

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
доктора филологических наук, доцента Дзюбы Елены Вячеславовны
о диссертации Копыловой Татьяны Рудольфовны
«МОЛЧАНИЕ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических
наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Молчание – чрезвычайно важная категория для человеческой коммуникации. Важная и весьма неоднозначная. Это обусловлено ее сложной когнитивно-психологической природой: молчание может быть созидательным, если оно способствует нейтрализации конфликтов, гармонизации общения, однако оно может быть и разрушительным, если превращается в бездействие и не противостоит агрессии в разных ее проявлениях. Сложная когнитивная природа молчания, его содержательная многослойность, полиаспектность, полифункциональность, а также другие значимые свойства молчания как феномена межличностной и даже общественной коммуникации обуславливают необходимость всестороннего его изучения.

Диссертационное исследование Т. Р. Копыловой посвящено изучению феномена молчания как коммуникативной и когнитивной категории. Хотя молчание в разных аспектах изучалось целым рядом зарубежных и отечественных исследователей, масштабной монографической работы о данном феномене до сих пор не появилось. По многим параметрам диссертация Т. Р. Копыловой является пионерской. Изучение категории молчания с позиции когнитивно-коммуникативной парадигмы определяет **актуальность** работы.

Научная новизна диссертации состоит в определении статуса молчания как факта коммуникации и как когнитивно-дискурсивного явления; описании функций молчания (в т. ч. сугубо специфической функции – заместительной); разработке терминологического аппарата, описывающего феномен молчания; создании типологии молчания и классификации его видов; определении знаковой природы молчания; установлении этноспецифических особенностей молчания в русскоязычном дискурсе; определении стратегий и тактик использования акта молчания в разных коммуникативных ситуациях.

Теоретическая значимость заключается в определении статуса молчания как когнитивной категории (т. е. сложного, многоуровневого лингвоментального образования) и как полифункционального, значимого (знакового) и лингвокультурного коммуникативного феномена; в разработке терминосистемы, описывающей категорию молчания; создании прочной теоретической основы для дальнейшего всестороннего изучения категории молчания. Это позволяет считать, что диссертация вносит вклад в развитие теории языка, лингвокогнитологии и коммуникативистики.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования в преподавании лингвистических дисциплин, связанных с изучением языка, мышления и культуры, лингвокогнитологии, теории коммуникации, а также при обучении стилистике, риторике, рус-

скому языку как иностранному. Результаты могут служить практическими рекомендациями для коммуникативных тренингов по межличностной и межкультурной коммуникации.

Структура работы обусловлена логикой полиаспектного рассмотрения данного феномена: молчание изучается в коммуникативном, этноспецифическом (лингвокультурном), когнитивном, социолингвистическом, «речеповеденческом». Сосредоточим внимание на каждой из глав, обозначим основные достижения автора и определим некоторые вопросы для размышления.

В **первой главе** автор диссертации вскрывает истоки понимания молчания как философско-психологической и эстетической категории, отмечает основные подходы к ее изучению, обобщает исследования, направленные на рассмотрение молчания как лингвистического и коммуникативного феномена. Исследователь подчеркивает, что молчание необходимо рассматривать «как многогранный лингвистический конструкт со множеством форм и функций, значения которых расширяются в зависимости от сфер общения». Начало данное исследование берет из самой лексико-семантической природы языка: Т. Р. Копылова последовательно анализирует языковые факты, маркирующие феномен молчания. Автор также рассматривает молчание как невербальный знак, как культурно-коммуникативный феномен, связанный с социокультурными ценностями и нормами. В работе отмечаются основные направления лингвистического изучения молчания (конститутивное, функциональное, критическое); освещаются функции молчания (контактная / дисконтактная, эмотивная, информативная, стратегическая, риторическая, оценочная, акциональная, соединительная / связующая, разоблачающая / раскрывающая, активирующая, терминативная, медитативная, выжидательная) с его продуктивным и непродуктивным коммуникативным потенциалом; подчеркивается полифункциональный и полисемантический характер молчания.

В данной главе соискатель использует интересный прием рассуждения: ставит перед собою вопросы относительно статуса молчания (как паралингвистического средства коммуникации, как разновидности невербальной коммуникации или особого ее вида, как феномена, противопоставленного речи (говорению) и ее сменяющего) и формулирует ответы на них. Т. Р. Копылова отмечает недостаточное развитие понятийного аппарата в отношении изучения категории молчания, вводит термин *вокализация*, под которой понимается «процесс звукового выражения вербальной и невербальной речи, акт произнесения, характеризующий завершающую стадию порождения речи».

Категория молчания осмысливается как коммуникативно значимая, выделяются такие ее признаки: наличие значения, смысла; наличие реляционных свойств, проявляемых в отношении к другим знакам; функциональность, то есть способность к выполнению определенного назначения; сознательность; целенаправленность; способность быть воспринятым и интерпретируемым; включенность в коммуникативную ситуацию. Отмечается содержательная структура акта молчания, ставится вопрос о соотношении молчания и внутренней речи.

Многостороннее исследование категории молчания требует от автора невероятной научной эрудиции, и эта эрудиция весьма успешно демонстрируется в первой главе. Представленные в данной части положения закладывают весьма серьезную теоретическую основу для дальнейшего исследования.

Во **второй главе** автор рассматривает безэквивалентное и эквивалентное молчание, соотносит молчание и паузу и делает важное замечание, касающееся их разграничения: анализируя тексты выступлений Э. Радзинского, Д. Киселева и опираясь на данные специального направленного эксперимента, Т. Р. Копылова подчеркивает, что «в отличие от молчания пауза не наделена смыслом, самостоятельным значением» (стр. 78), что пауза, как разновидность безэквивалентного молчания, «в зависимости от типа, выполняет функции членения речи» (стр. 90), но не обладает знаковой природой, поскольку исключение паузы из речи не приведет к искажению содержания высказывания, в то время как молчание — феномен значимый, т. е. выражающий в коммуникации то или иное значение, актуальное для всех участников коммуникации. На наш взгляд, это, казалось, простое замечание, имеет важное значение для теории коммуникации.

Важным достижением диссертанта, отраженным в этой главе, является разработка видов коммуникативно значимого молчания (опустошенное, свидетельствующее о бессилии, духовной пустоте; эквивалентное невербальное, аффектное, молчание как реализация табу на запретные высказывания и т. д.). При этом некоторые виды молчания рассматриваются на примерах из художественных текстов Л. Андреева, Ф. М. Достоевского, и анализ данных примеров отличается тщательностью, глубиной и убедительностью. Диссертант демонстрирует навыки филологического анализа: с психологической тонкостью и лингвистической эрудицией рассматривает все нюансы коммуникативных ситуаций, в которых герои прибегают к разного рода актам молчания.

Недостаточно аргументированным, однако, нам представляется противопоставление опустошенного и аффектного молчания. Т. Р. Копылова указывает, что эти виды молчания разграничиваются понятиями *желание* — *нежелание* и *возможность* — *невозможность говорить*, а также *длительность* молчания. На наш взгляд, и опустошенное, и аффектное молчание суть одно и то же: и то, и другое может быть вызвано нежеланием и невозможностью говорить из-за психологического состояния, длительность же зависит от глубины эмоционального потрясения. Вероятно, требуется дополнительный признак для разграничения этих видов.

Сомнительным представляется и необходимость столь подробного рассмотрения видов ухода от прямых высказываний в следствие табуирования тех или иных понятий или тем. Автор сосредоточивает внимание на речевых формах, но собственно табуированное молчание не рассматривает. Более того, диссертант делает неточный, на наш взгляд, вывод о том, что табу — это «несвершившийся речевой поступок с нереализованным высказыванием» (стр. 110). Табу, на наш взгляд, это вообще не коммуникативный акт, это принятый в том или ином сообществе условный договор на запрет определенных выска-

званий или некоторой лексики, тех или иных тем для обсуждения, тем более нельзя сказать, что результатом табу всегда является акт молчания, часто коммуниканты прибегают к эвфемизации, переходу на другие темы, «отшучиванию» и т. д. Именно эти речевые приемы автор подробно описал, поэтому вряд ли можно говорить о нереализованном высказывании. Или следует говорить о нереализованном прямом высказывании.

Значимым научным достижением диссертанта является выделение типов актов молчания и видов молчания, однако, на наш взгляд, было бы весьма целесообразным дать конкретные и сущностные наименования типов актов молчания, не ограничиваться обобщенными наименованиями *первый тип, второй тип* и т. д. Последняя часть второй главы повторяет и обобщает высказанное ранее о видах молчания, поэтому, вероятно, это следовало бы перенести в выводы. Вероятно, следовало бы проиллюстрировать на примерах из художественных текстов не избранные, а каждый тип и вид молчания. Объем докторской диссертации позволяет это сделать. Так, рецензента удивило отсутствие в диссертации весьма показательных в отношении молчания и весьма популярных сегодня текстов, например, Евгения Водолазкина «Лавр», Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого». Интересно было бы рассмотреть выделенные автором типы и виды молчания на примере испанской литературы, поскольку автор диссертации фрагментами обращается к русско-испанским сопоставлениям (это позволило бы реализовать сопоставление более последовательно). Вероятно, большее число развернутых примеров из художественной литературы, иллюстрирующих разные типы и виды молчания, позволило бы создать своеобразную «антологию молчания», что, несомненно, явилось бы еще одним существенным достижением для филологии вообще, для речеведения – в частности (такая антология могла бы пригодиться в практике преподавания теории коммуникации, межкультурной коммуникации, риторики и т. д.). В связи с выделением видов молчания, описанных на основании признака наличия или отсутствия вокализации, возникает вопрос: **Как выделенные автором виды молчания соотносятся с традиционными понятиями внутренней и внешней речи? Автор вскользь эту проблему затрагивал, но не уточнил, например, то, чем понятие *вокализованная вербальная коммуникация* отличается от понятия *внешняя речь*. Нет ли дублирования терминов?**

Предваряя анализ третьей главы, заметим, что некоторые параграфы по названию и фрагментарно по содержанию дублируются: 1.5 и 2.2.3. И далее: п. 4.3. имеет одинаковое название со всей диссертацией. Содержание диссертации, конечно, значительно шире и глубже содержания параграфа 4.3, но такой повтор оказался, видимо, неслучайным. Диссертация, хоть и указывает в названии на когнитивный аспект изучения категории молчания, все же в значительной мере посвящена описанию молчания именно как коммуникативной категории. Категориальный характер молчания, вне всяких сомнений, автором затрагивается: категория всегда обобщает разновидности того или иного феномена – категория молчания в диссертации действительно представлена таксономически (представлена развернутая классификация типов и видов молча-

ния). Однако вряд ли можно утверждать, что автору удалось описать и проиллюстрировать на многочисленных примерах именно лингвокогнитивный характер категории молчания. Во-первых, когнитивный аспект предполагает все-таки описание ментальных процедур; во-вторых, наличие элемента *лингво-* в характеристике категории (лингвокогнитивная категория) предполагает вербализацию или экспликацию смыслов иными языковыми средствами. Молчание не предполагает выраженности языковыми средствами, это категория принципиально иная: она носит психологическую природу, часто является ситуативно обусловленной, выражается невербальными или паравербальными средствами. В связи с высказанными замечаниями возникает два вопроса: **1. Почему автор заявил категорию молчания как лингвокогнитивную, а не коммуникативную или хотя бы когнитивно-коммуникативную? Е. С. Кубрякова и целый ряд ее последователей многократно писали о неразрывной связи когниции и коммуникации. 2. В чем выражается лингвистическая составляющая категории молчания, если она мыслится автором именно как лингвокогнитивная? В чем разница между молчанием как фактом реальной коммуникации (не имеет языковой репрезентации) и фактом языка (глаголы и выражения: *молчать, не говорить, не произносить ни слова* и т. п.). Какой из указанных аспектов является приоритетным для автора диссертации?**

Вернемся к анализу содержания глав диссертации. **Третья глава** посвящена изучению национальной специфики категории молчания, где диссертант предлагает сопоставление фактов двух культур – русской и испанской. Автор указывает, что в католицизме молчание понимается как добровольный отказ от речи, обет молчания. Следует подчеркнуть, что такой акт был свойствен и русской православной культуре, о чем автор диссертации вскользь упоминает, но развернутого примера из какого-либо текста, к сожалению, не приводит (здесь весьма мог бы пригодиться роман Е. Водолазкина «Лавр»). Молчание в русской православной культуре может пониматься и как отречение от всего мирского, суетного; и как акт смирения, противостояния гордыне; и как акт противостояния злу. Все эти и возможные иные смыслы нуждаются в детальном описании и обязательном иллюстрировании.

Как нам представляется, автор диссертации рассматривает в основном молчание как акт субъекта речи. Хотя на стр. 61 в первой главе было указано на недобровольное молчание, затем при анализе рассказа «Кроткая» во второй главе были коротко высказаны замечания относительно молчания, возникающего в результате давления извне («вынужденное» молчание), в третьей главе указаны слова с обозначенной семантикой (например: *обезмолвить*) и отмечена разница между принудительным, вынужденным и регламентированным молчанием (см. стр. 205), однако глубокого и подробного описания каждый из названных видов не получил, также не были приведены тексты, иллюстрирующие данные виды молчания. **Можно ли, по мнению автора, молчание как результат давления (ср.: *разг. Заткнуть в значении 'вынудить замолчать, принудить к молчанию'*) считать отдельным видом молчания? Если мож-**

но, то как следует охарактеризовать такой вид молчания в предложенных диссертантом терминах? Вписывается ли такой вид молчания в предложенную автором типологию и классификацию видов молчания?

В данной главе автор рассматривает этноспецифичные характеристики молчания в русской лингвокультуре в сопоставлении с испанской. Это вполне обоснованно: действительно универсальное и специфичное ярче проявляется при сопоставлении. Возникает, однако, вопрос: почему сопоставление проводится именно с испанской культурой? Почему не с какой-либо другой европейской или, например, с восточной культурой? В чем научная необходимость именно русско-испанских сопоставлений?

В данной главе диссертант объясняет специфичный характер молчания в русской культуре влиянием старославянского языка, христианской системы ценностей: молчание выступает как возможный диалог с Богом, что сопряжено с отказом от суеты, пустых волнений, эмоций, то есть с безмолвием (стр. 164), а также с феноменом юродства, особенно свойственным эпохе Русского Средневековья. Возможно, автору следовало бы рассмотреть еще один вариант безмолвия – факт немоты. Немота в русской лингвокультуре так же весьма значима и многоаспектна: немота может быть знаком избранности, непохожести на обычных людей; немота может выступать как наказание за грехи или как серьезное духовное испытание. Эти культурно значимые смыслы многократно репрезентированы в сказках, библейских сюжетах и т. п. Иными словами, рассуждая об этноспецифических особенностях категории молчания и отмечая динамику развития смыслов молчания как концепта, Т. Р. Копылова обращается к данным исторических и современных словарей, но по какой-то причине игнорирует фольклорные и библейские тексты, не опирается в данной части работы на материал национальной художественной литературы. Акцент на немоте как форме молчания позволил бы вспомнить и общехристианские, и национально значимые факты культуры: евангельский сюжет *Архангел Гавриил поражает Захарию немотой*; сказку «Гуси-Лебеди», в которой девушка, чтобы спасти своих братьев и вернуть им человеческий облик, должна была несколько лет имитировать немоту; тексты Вячеслава Иванова (*Дай кровь небытию, / Дай голос немоте, / В безликий хаос ввергни краски, / И жизни воспламени в роскошной наготе, / В избытке упоённой пляски...*) и Анны Ахматовой, для которой немота выступала как заклятие или как образ смерти (немота и слепота). Многие исследователи отмечают, что в религиозной фольклорной прозе утрата зрения и немота (или иное увечье) становятся результатом некоего неправильного поступка (Амосова 2014) или святотатства (Добровольская 1997; Шеваренкова 1998; Мороз 2000; Фадеева 2003; Петров 2014 и др.). Можно говорить о некоей «хтонической немоте и молчи впервые-бытия» (В. Рабинович) и т. д.

Молчание следовало бы рассмотреть и как социальное явление. Диссертант отметил наличие специфического явления в испанской культуре – молчание закона. Однако и в русской традиции есть социальный аспект – коллективное молчание, выраженное пушкинским «народ безмолвствует» («Борис

Годунов»). Диссертант вскользь касается этого аспекта при рассмотрении глаголов *молчать* / *безмолвствовать*, приводит один пример из сборника Сергея Довлатова «Марш одиноких» и два фрагмента из современных публицистических текстов. Однако этот аспект нуждается в более подробном рассмотрении, ведь он является чрезвычайно важным для русской лингвокультуры, более того – он является трагически решающим для жизни русского народа. Конечно, аспекту социального молчания / безмолвствия (безмолвствию народа) следовало бы уделить значительно больше внимания. Так, Е. Мазур-Матусевич посвящает одну из своих статей данному феномену: в статье речь идет «о феномене коллективного или общественного безмолвия как результате определенного исторического выбора, осуществленного культурой, в данном случае, православной вообще и русской в частности. ... В решающий период своей истории русская культура в лице духовной элиты выбрала путь безмолвия (социальной немоты), который в дальнейшем определил доминанту отношения к дискурсивному слову в обществе. Под социальной немотой здесь понимается отсутствие общественного мнения, основанное на недоверии абсолютного большинства членов общества к логически выраженной мысли...» (Мазур-Матусевич Е.; https://elibrary.ru/download/elibrary_23088161_98516518.pdf5). Если говорить о формировании феномена молчания в разных дискурсах, то нельзя игнорировать и рок-дискурс, в котором высказывание «Не молчите. В этой рыхлой тишине мы погибнем. Не молчите...» (Земфира, Альбом «Z-sides», 2010 г.) становится эпохально значимым.

В третьей главе автор диссертации также пытается выявить специфическую семантику лексем семантического поля, организованного глаголом *молчать*, на фоне славянских языков; основное внимание автор сосредоточивает на сопоставлении русского и польского языков, отмечая репрезентативную избыточность русского языка (см. фрагмент со стр. 187). Диссертант приходит к выводу, что идея преднамеренного молчания в славянских языках имеет самостоятельное выражение, что русский язык в репрезентации идеи молчания избыточен по отношению к польскому (ср. на стр. 191: «Для русского языка ‘частичность / полнота’ утаиваемой информации более релевантна, чем для польского, что обуславливает фиксацию данного компонента значения самостоятельными единицами»). Трудно здесь согласиться и с термином *избыточность*, и с таким неудобным для польского выводом. Далее автор подчеркивает, что в славянских языках у глагола *молчать* наблюдается более богатая деривация, чем в других группах языков. Так, в испанском данная категория, по замечанию автора, выражается только двумя глаголами. Рецензенту с этим положением трудно согласиться. Проверим данный факт на материале латинского языка. В латинском языке наблюдаем глагол **taceo** (taceo, tacui, tacitum, ere) – 1) молчать, безмолвствовать, хранить молчание; 2) не говорить, умалчивать; а также словообразовательные дериваты: **reticeo** (re-ticeo, ticui, —, ere [taceo]) – 1) молчать, хранить молчание; 2) обходить молчанием, умалчивать, скрывать; **conticeo** (con-ticeo, cui, —, ere [taceo]) – 1) молчать; 2) замалчивать, обходить молчанием. Имеется глагол с синонимичным значением: **sileo** (sileo, lui, —,

ere) – 1) молчать, хранить молчание; безмолвствовать, быть безмолвным, быть тихим, не издавать ни звука; 2) умолкнуть; 3) умалчивать, обходить молчанием.

Но также мы наблюдаем развитие интересующих нас вторичных значений у глаголов иных лексико-семантических групп, ср.: **transeo** (trans–eo, ii (ivi), itum, ire) – 1) переходить; примыкать; 2) проходить; переправляться, переплывать...; 3) преступать, нарушать; 4) переезжать; 5) вливаться, впадать; 6) превращаться; 7) выдержать, вынести; 8) проводить, провести; 9) обходить молчанием, проходить мимо (aliquem PJ); пропускать (multa Caelius ap. C): t. aliquid silentio SI, C обойти что-л. молчанием, умолчать о чём-л.; 10) пробивать, пронзать; 11) обсуждать, касаться (в речи); 12) просматривать. В 9 значении мы обнаруживаем семантику молчания (заметим, что в латинском языке этот глагол также развивает энантиосемию: в 9 значении – молчать, в 11 значении – обсуждать, касаться чего-либо в речи). Глагол **dissimulo** (dis–simulo, avi, atum, are) – 1) прятать; не показывать вида, утаивать, скрывать; 2) игнорировать, пренебрегать, не обращать внимания, оставлять без внимания – также может упоминаться в значении ‘утаивать информацию, замалчивать’. А также глаголы: **celo** (celo, avi, atum, are) – скрывать, утаивать; прятать, скрывать что-л. от кого-л.; **occulto** (occulto, avi, atum, are [intens. к occulo]) – прятать, укрывать (telum vestimentis C; se in hortis C); таить, держать в тайне, скрывать (consilium Cs; vitia sua SI) – могут употребляться как глаголы с семантикой молчания. Существительное **tranquillitas, atis f** (от **tranquillo** – успокаивать, унимать, умиротворять) имеет значения [**tranquillus**] 1) спокойствие, тишина; покой, безмятежность, мир..., следовательно, в семантике глагола **tranquillo** также имеется компонент значения ‘безмолвие, молчание’. Заметим, что у каждого приведенного глагола свои деривационные возможности. Иными словами, в латинском языке семантика молчания (безмолвствия, утаивания, сокрытия информации, невозможности говорить по разным причинам и под.) выражается весьма разнообразными средствами: как собственно лексическими, так и семантическими (вторичные значения) и словообразовательными (деривация с помощью префиксов). Поэтому утверждение о богатстве языковой репрезентации идеи молчания в славянских языках считаем довольно смелым заявлением. Нам трудно согласиться в этом с мнением диссертанта. В разных языках существуют разные способы передачи значений, разные способы деривации – есть и семантические, не только словообразовательные. Вероятно, специфика языков может заключаться лишь в разных пропорциях лексических, семантических и словообразовательных способов выражения этих смыслов. Очевидно, что процессы, подобные тем, что указаны на примере латинского языка, происходили и происходят и в испанском.

Эксперимент, который проводился для доказательства того, что какие-то нюансы смыслов не имеют своей языковой репрезентации в некоторых языках (например, испанском), нам убедительным не представляется (подробно не описана аудитория, в которой проводился эксперимент, неясно, каков уровень профессиональной компетенции переводчиков). На наш взгляд, убедительнее в этом смысле были бы результаты сопоставления текстов-оригиналов и про-

фессиональных переводов. Рецензенту трудно поверить, что в испанском языке нет специальных средств репрезентации семантики замалчивания, утаивания, сокрытия информации и под.

Четвертая глава, отражающая знаковую природу молчания, частично повторяет то, что было заявлено ранее: речь вновь идет об интенциональном и неинтенциональном молчании, о молчании как тишине и под. Здесь делается акцент на знаковом характере данных видов молчания, что, впрочем, можно было заметить и ранее, в предыдущих главах.

Описание молчания как лингвокогнитивной категории, предпринятое в данной главе, считаем чрезмерно обобщенным, хотя и справедливым. Автор выделил набор признаков категории (см. стр. 210 – 211), отметив, что она обладает традиционной ментально-исторической неповторимостью; отличается выраженной лексико-семантической и эмоционально-оценочной эксплицированностью; имеет развитую систему категориальных имен-репрезентантов, культурно обусловленных; представляет собой уровневую систему, элементы которой выстраивают определенную иерархию: она состоит из концептов, имеющих в свою очередь развитую лексическую объективацию в русском языке (безмолвие, тишь, тишина, безмолвная тишина, пустота, ничто и др.), и в то же время является элементом метакатегорий (человек, духовность, общение, вера, Бог и мн. др.); формируясь под воздействием многих факторов, обладает высокой степенью абстракции, обобщения; отличается многоплановым проявлением как на коммуникативном уровне, так и на аксиологическом, когнитивном; характеризуется общеизвестностью; статична, устойчива. Указанные признаки действительно характеризуют молчание как когнитивную категорию, однако, как было отмечено, этот аспект в данном разделе подробного, развернутого описания с позиции именно когнитологии не получил, читателю приходится самому восстанавливать факты по ранее прочитанному тексту.

Позволим себе еще некоторые замечания в отношении изложенного в данной главе. Диссертант подчеркивает: «Невыраженность молчания по сравнению со словом в русской лингвокультуре никогда не рассматривалась как ущербность» (стр. 208). С этим вряд ли можно согласиться. Некоторые исследователи указывают на наличие мнимых и реальных увечий, которыми наделяются герои сказок, например. Среди таких увечий – немота. Так, в статье Добровольской В. Е. «Мнимая и реальная инвалидность в русской волшебной сказке в контексте фольклорной традиции» (Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 12-27. DOI: 10.7868/S0869541518010025) говорится о немоте в том числе как об ущербности, инвалидности, полученной героем либо как наказание, либо как испытание. Вышеуказанное замечание автора диссертации считаем слишком категоричным.

Следует заметить некоторую особенность диссертации: ряд положений обобщающего характера, место которым в выводах (промежуточных или итоговых), автор выносит в качестве отдельных параграфов или даже глав. Четвертая глава в целом этим отличается, она словно бы подводит итоги предыдущих трех глав.

Пятая глава предлагает рассмотрение молчания как средства речевого поведения – агрессивного и вежливого, толерантного. Автор отмечает, что «молчание рассматривается как средство агрессии, наряду с другими, как сильная коммуникативная позиция ухода от конфликта» (стр. 216). Неясно, однако, как то или иное средство может быть одновременно и средством агрессии, и средством ухода от конфликта.

Анализируя молчание как средство реализации агрессии в общении, диссертант сопоставляет безмолвное поведение в русскоязычном и испаноязычном дискурсе и указывает на два типа коммуникации: горизонтальное и вертикальное. При этом автор подчеркивает стереотипное для русскоязычной культуры невежливое поведение молчащего собеседника, наделенного властью или какой-либо значимой функцией. К указанному справедливому замечанию нельзя остаться равнодушным: в российских современных реалиях вежливость, взаимопомощь и другие подобные феномены гармоничного коммуникативного сотрудничества являются большой редкостью, особенно в общественных местах (транспорт, сфера разного рода услуг). В русской коммуникативной традиции стереотипным считается проявление равнодушия и даже агрессии к мало- или незнакомым людям, вежливость и заинтересованность имеют место чаще в общении со знакомыми людьми.

Далее Т. Р. Копылова сосредоточивает внимание на понятии вежливость и толерантность в общении. Соответствующие конструктивным и бесконфликтным стратегиям речевого поведения коммуникативные ситуации богато проиллюстрированы в работе показательными примерами. Вообще наличие богатого речевого материала из области естественной, бытовой коммуникации характерно для диссертации. Надо признать, что это сложно добываемый и очень ценный материал. Однако заметим, что при рассмотрении бесконфликтных стратегий речевого поведения автор в большей степени сосредоточивается именно на речевых маркерах вежливости и толерантности, описанию молчания уделяется меньше внимания. Так, на стр. 249 – 260 предлагается анализ языковых средств, участвующих в реализации коммуникативных тактик бесконфликтного речевого поведения, и лишь несколько абзацев посвящено собственно молчанию. На стр. 260 предлагается диаграмма, представляющая тактики молчания в толерантном бытовом общении, среди которых: тактика ухода от неадекватного поведения, ухода от агрессии, ухода от темы, ухода от коммуникации, ухода от оценки и др. Такое обобщение кажется несколько отвлеченным, поскольку до сих пор речь шла в большей степени о языковых средствах реализации перечисленных тактик, акты молчания при этом не комментировались.

В последнем разделе пятой главы предлагаются модели коммуникативного взаимодействия, включающие акты молчания. Подчеркивается, что преднамеренное, интенциональное молчание присуще всем видам речевого поведения: агрессии, вежливости и толерантности. Исходя из данного положения автором диссертации выделяется 6 типов взаимодействия: 1) агрессия – агрессия; 2) агрессия – вежливость; 3) агрессия – толерантность; 4) вежливость –

вежливость; 5) вежливость – толерантность; 6) вежливость – агрессия. При этом автор разграничивает типы конструктивного речевого поведения по двум субкультурам – городской и сельской, однако подробного описания проведенный эксперимент не получил (не указано количество участников в городе и сельской местности, не отмечено, где конкретно проводился сбор материала, как он фиксировался и обрабатывался). Неясно также разграничение двух типов общения: горизонтального и вертикального, ср. на стр. 272: «Отдельно выделим тип 6 «вежливость – агрессия», характерный как для горизонтального типа общения (агрессия направлена от коммуникативно сильного к коммуникативно слабому), так и вертикального (от власть имущего к просителю)». Неясно, какой признак лежит в основе разграничения горизонтального и вертикального типов общения: социальное положение или коммуникативная компетентность.

В выводах автор отмечает, что молчание является неотъемлемой частью лингвокультуры, обладает многоплановостью проявления в коммуникативном поведении. При этом остается неясным, почему автор не продолжил сопоставительное исследование? Вероятно, было бы интересно проследить, как молчание реализуется при разных стратегиях речевого поведения (агрессивного, вежливого и толерантного) не только в русскоязычной, но также, например, в испаноязычной культуре. Вероятно, выводы об этноспецифике коммуникативного поведения были бы более показательными, если бы и здесь имело место сопоставление фактов разных культур.

На стр. 262-263 автор утверждает: «Молчание выступает не столько как тактика ухода от конфликтного общения, сколько – как тактика защиты собственного пространства, попытка не допустить в него чужого. С этой точки зрения толерантность может быть охарактеризована как деструктивное речевое поведение, поскольку конструктивное предполагает нацеленность на взаимодействие, на диалог с учетом интереса собеседника». Вероятно, категорично это заявлять нельзя, этот вопрос решается исходя из конкретной ситуации: нельзя исключать, что молчание может быть и конструктивным, если оно нацелено на уход от конфликта с последующим сохранением добрых отношений между коммуникантами.

Обобщим некоторые замечания: в заглавие диссертации не вынесен коммуникативный подход, хотя он главный в работе, когнитивный и дискурсивный освещены достаточно номинативно, по сути они лишь заявлены, но глубокому и всестороннему анализу не подверглись; не описаны подробно экспериментальные исследования (часто условия эксперимента описываются поверхностно или вовсе не описываются); количественные результаты и наглядные презентации (диаграммы, таблицы, схемы) не всегда подвергаются подробному описанию. Некоторые анализируемые коммуникативные ситуации можно было бы проиллюстрировать показательными примерами из художественной литературы, фольклора и т. д. В работе молчание как коммуникативная категория описана вообще, не выделена специфика молчания в соответствии с видом дискурса: художественного, бытового, публицистического,

политического и т. д. Нет никаких сомнений, что здесь может наблюдаться разница в стратегиях и тактиках использования молчания. Не «вписаны» в предложенную типологию некоторые виды молчания: например, социально значимое («народ безмолвствует»). Не освещены подробно некоторые аспекты молчания: молчания для сокрытия, утаивания информации (это может быть актуально в военно-политическом дискурсе); молчание как социально-политическое бездействие (может быть актуально в политическом дискурсе) и т. п. Все эти параметры можно было бы дополнить, объем докторской диссертации позволяет углубиться и в эти аспекты исследования.

Диссертационная работа Т. Р. Копыловой имеет и целый ряд достоинств: 1) категория молчания выделена как самостоятельная, значимая в коммуникативном поведении (на наш взгляд, ее следует описывать именно как коммуникативно-когнитивную); заявлен, хотя и не развернут, на наш взгляд, полноценно когнитивный характер категории молчания; намечен, хотя и имплицитно, дуализм в понимании категории молчания: молчание как факт коммуникации (не выражена языковыми средствами), молчание как категория лингвокультуры (выражается языковыми средствами: *промолчать, ничего не сказать, умалчивать, замалчивать, утаивать информацию* и под.). Хотя и не всегда последовательно, но проводится параллель между русскоязычным и испаноязычным дискурсом молчания с целью выявления этноспецифики изучаемого феномена. Проведен ряд интересных экспериментов, результаты которых заслуживают пристального внимания (однако, следовало бы подробнее описывать все этапы проведенных экспериментов, отбор респондентов, следует представлять анкеты опросов в Приложениях). Главное достижение автора диссертации – создание типологии и выделение видов молчания, которые, однако можно еще дополнить новыми классификационными рубриками. Однако это, вероятно, будет уже перспективой работы. Проблематика, связанная с изучением молчания, конечно, была ранее заявлена исследователями, но данное подробное монографическое исследование можно считать первым.

Из всего сказанного сделаем вывод, что диссертация Татьяны Рудольфовны Копыловой «Молчание как лингвокогнитивная категория» является завершенной работой, в которой ставится и в некоторых аспектах решается научная проблема, имеющая важное значение для лингвистики, новизна и практическая значимость которой открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения молчания как когнитивно-коммуникативной категории, реализующейся в разных видах дискурса. В качестве еще одной перспективы для практического использования результатов работы отметим следующее: очень уместно было бы представить рекомендации по эффективному речевому взаимодействию, связанному с использованием акта молчания в русском речевом этикете.

Автореферат диссертации и 40 публикаций, в том числе 2 монографии, 17 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, достаточно полно и адекватно отражают содержание исследования

и его результаты. Основные положения диссертации обсуждались в виде докладов на международных научных конференциях.

Диссертация на тему «Молчание как лингвокогнитивная категория», представленная на соискание доктора филологических наук, соответствует паспорту специальности 10.02.19 – Теория языка, в полной мере отвечает требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (с последующими изменениями), предъявляемым к докторской диссертации, а ее автор Копылова Татьяна Рудольфовна, заслуживает присвоения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Против включения персональных данных, указанных в отзыве, в документы, связанные с защитой диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Дзюба Елена Вячеславовна,
доктор филологических наук (специальность 10.02.19 – Теория языка, 10.02.01 – Русский язык), доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет». Адрес: 620091, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. Официальный сайт университета: <https://uspu.ru/>. Тел.: раб.: +7 (343)235-76-12 E-mail: elenacz@mail.ru

11.05.2022 г.

Подпись _____
Затвержено ректором _____

_____ А. В. Рудольфовна